

Убивая Еву: умри ради меня

Автор:

[Люк Дженнингс](#)

Убивая Еву: умри ради меня

Люк Дженнингс

КинostoryУбивая Еву #3

Противостояние наемной убийцы Вилланель и агента службы безопасности Евы Поластри продолжается. Действие разворачивается на фоне Лондона и Санкт-Петербурга. В то время, как Вилланель возвращается на родину и встречается с демонами прошлого, Ева Поластри находится в бегах, скрываясь от «Двенадцати», секретной организации, жаждущей ее смерти. Разыгрывается последняя шахматная партия, поражение в которой будет стоить жизни.

Люк Дженнингс

Убивая Еву: умри ради меня

Luke Jennings

Die For Me

© Luke Jennings, 2020.

© Г.Л. Григорьев, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

С наступлением темноты нарастает ледяной ветер. Он дует с юго-востока, со стороны Рижского залива, несется через Балтику и врывается в борт нашего корабля, заставляя контейнеры со стоном и скрипом натягивать найтовы. Чем ближе мы к России, тем ниже температура.

Контейнер, в котором мы с Вилланель сидим вот уже пятый день, отплыв от северо-восточного побережья Англии, – это ящик из гофрированной стали размером с тюремную камеру и высотой метра два с половиной или даже чуть больше, частично занятый тюками одежды. Он стоит среди нескольких таких же по правому борту. Внутри холодно, как в могиле. Мы сидим, словно две крысы, греемся друг о дружку, поклевываем тающий на глазах провиант – черствый хлеб, сыр и шоколад, попиваем воду, строго разделенную на порции, и мочимся в пластиковое ведро. У меня-то всю дорогу запор, а Вилланель опорожняется в пакеты из зоомагазина, которые она потом аккуратно завязывает и складывает в углу.

В стенке контейнера, что ближе к носовой части, есть аварийный люк сантиметров примерно тридцать на тридцать, и он открывается изнутри. В него порой просачивается тоненький луч света и морозное дыхание соленого воздуха. Если забраться на тюки, можно наблюдать, как линия горизонта качается вверх-вниз, а носовая волна с ее гребнем – белым на фоне серого – вздымается и опускается, словно в замедленной съемке. Я стою и смотрю на это слезящимися глазами, пока лицо совсем не онемееет. Когда ветер стихнет, я выплесну в аварийный люк содержимое нашей пластиковой параша. И оно застынет ледяной коркой на стенке контейнера. Я спрашивала Вилланель, не хочет ли она отправить туда же свои пакеты с дерьмом, но она опасается, как бы пакет не шмякнулся на палубу.

Вилланель продумала все: одежда, термобелье, туалетная бумага, мыльно-рыльные принадлежности, тампоны, неопреновые перчатки, красные сигнальные фонари, боевой нож, пластиковые наручники, девятимиллиметровые патроны для ее «зига» и моего «глока», увесистая пачка потертых долларов. И никаких телефонов, ноутбуков, кредиток, паспортов. Ничего, по чему нас можно отследить. Вилланель – единственный человек в мире, кто знает наверняка, что

я жива, а сама она официально числится в мертвых. Ее могила на кладбище Индустриального района Перми, где на небольшой металлической табличке написано «Оксана Воронцова».

Два года назад я понятия не имела о существовании Вилланель – Оксаны Воронцовой.

Я руководила мелким отделом в Темз-хаусе, отвечавшим за внутренние связи МИ-5, и мои дела, в общем и целом, шли неплохо. Работа была скучноватой – со своим магистерским дипломом по криминологии и судебной психологии я лелеяла надежды на нечто более увлекательное в стенах спецслужб. Светлая сторона моей жизни состояла из не особо впечатляющей, но стабильной зарплаты и мужа Нико, доброго и порядочного человека, которого я любила и с которым мы планировали завести детей. На свете есть вещи похуже рутинной работы, уговаривала я себя, а то, что каждую свободную минутку на службе я посвящала созданию досье по нераскрытым политическим убийствам, так это было моей личной инициативой. Просто чтобы не терять форму. Хобби, так сказать.

Эти неофициальные изыскания привели меня к уверенности, что некоторые из убийств совершила женщина, причем, скорее всего, – одна и та же. В обычных обстоятельствах я бы оставила свою теорию при себе. Официально я занималась в МИ-5 не расследованиями, а административной работой, и заведи я разговор на эту тему с руководством, в ответ получила бы поднятые брови и снисходительную улыбку. На меня бы посмотрели как на недотепу, потерявшую надежду на продвижение и задумавшую прыгнуть выше головы.

Когда в лондонской гостинице застрелили ультраправого русского политика Виктора Кедрина и его трех телохранителей, меня обвинили в том, что я не смогла обеспечить ему надлежащую охрану, и уволили.

Все, кто был в курсе дела, понимали, насколько это несправедливо. Как понимали и то, что, если департамент так грандиозно облажался (а убийство столь популярной фигуры – куда уж грандиознее), то нужно кого-то назначить крайним. В идеале крайний должен занимать хоть какой-то пост, но не слишком высокий, а такой, чтобы его можно было без труда заменить. Кто-то, кем можно с легкостью пожертвовать. Кто-то вроде меня.

Вскоре после того, как я освободила свой рабочий стол и сдала пропуск в Темз-хаус, со мной тайно связался один из ветеранов МИ-6 по имени Ричард Эдвардс, который, в отличие от коллег с северного берега [1 - Штаб-квартиры МИ-5 и МИ-6 находятся соответственно на северном и южном берегах Темзы.], с готовностью выслушал мои идеи. Я возглавила его неофициальную команду, чьей задачей было найти убийцу Кедрина. Теперь я гонялась за Вилланель по всему свету. Она оказалась неуловимым призраком – всегда на один шаг впереди. Мне оставалось лишь тащиться по ее кровавому следу. И невольно восхищаться ее зловещим артистизмом. Вилланель была дерзкой, свободной от страха или чувства вины, и ей, вероятно, немного наскучила легкость, с какой она уходила от преследования. Осознав, что я неотступно слеую за ней, она была польщена и отплатила мне той же монетой. Однажды ночью в Шанхае она залезла с улицы в мой номер и прихватила с собой трофей – мой браслет. Затем в качестве компенсации – и из чистой наглости – она среди бела дня проникла в мой лондонский дом и оставила там другой (и куда более дорогой) браслет, который специально для меня купила в Венеции. Эти вторжения были флиртом, но и внушали ужас. Они тихим шепотом напоминали, что она ко мне равнодушна, но может прикончить меня в любой момент, когда захочет.

Я отказывалась признаться в этом даже самой себе, но ее извращенные ухаживания достигли своей цели. Одержимость начинается не сразу. Она подкрадывается к тебе, незаметно подползает, и вдруг – от нее уже никуда не деться. Впервые я увидела Вилланель случайно и опять же – в Шанхае. Я ехала на скутере, остановилась в пробке и заметила, как она шагает по тротуару мне навстречу – вся в черном, с зачесанными назад русыми волосами. Наши взгляды встретились, и я поняла – это она. Вилланель, когда захочет, умеет быть очень милой, но в тот вечер ее глаза были пустыми, как у змеи. Она утверждает, что тоже узнала меня, но я ей не верю. Она врет. А врет она, как дышит. В тот же вечер она заманила моего коллегу Саймона Мортимера в темный закоулок и зарубила его мясницким топориком. Жестокость убийства шокировала даже видавших виды следователей из шанхайского убойного отдела, которые насмотрелись на своем веку расправ «Триады» и прочих ужасов.

Вторая наша встреча произошла в Англии на обочине шоссе – она была спланирована с леденящей кровью гениальностью. Я возвращалась в Лондон из хэмпширского допросного центра. Со мной в машине был Деннис Крэйдл, высокопоставленный офицер МИ-5, признавшийся мне тем утром, что получает деньги от «Двенадцати», организации, которая заказывает Вилланель убийства. Я пыталась убедить Крэйдла сдать информацию о «Двенадцати» в обмен на неприкосновенность, а он в ответ принял вербовать меня – офигенная, между

прочим, наглость с его стороны, учитывая все обстоятельства.

Через двадцать минут после того, как мы выехали, нас остановила полицейская на мотоцикле. Конечно же это оказалась Вилланель, но я просекла слишком поздно. Она сказала, что скучает по мне. Коснулась моих волос, назвала мои глаза «милыми». В некотором роде все это было романтично. Они прокололи покрышки моей машины и умчались на мотоцикле, а я, несолоно хлебавши, осталась стоять на обочине. Крэйдл, вероятно, считал, что его спасают. На самом деле Вилланель отвезла его в глухое местечко неподалеку от Уэйбриджа, размозжила ему череп тупым предметом (полагаю, полицейским жезлом) и сбросила труп в речку Уэй.

Из Вилланель – та еще подружка, но я и не искала себе никаких «подружек» – ни в каком смысле. Я же была счастлива в браке с женщиной. И хотя секс с Нико не был чем-то из ряда вон выходящим: никаких тебе комет с пылающими хвостами или взрывающихся сверхновых, никаких вурдалачьих завываний – меня в нем все устраивало. Он был редкий человек, неподдельно добрый. Другие люди меня не замечали, а Нико меня любил. Хвалил мою безнадежную стряпню, находил очаровательной мою нелепую манеру одеваться, постоянно говорил мне, вопреки очевидному, какая я красивая. А я в ответ поступила с ним гнусно. Знала наверняка, какую боль ему причиню, но все равно сделала это.

И все из-за Вилланель. Несмотря на весь зловещий ужас ее деяний, она внушала восхищение. Ее концентрация, ее педантичность, ее безжалостная ясность цели. Я шла по жизни, словно во сне, и вдруг появилась она, моя идеальная соперница.

Как потом выяснилось, Вилланель чувствовала то же самое. Работа на «Двенадцать» в качестве звезды-суперубийцы имела свои профессиональные и материальные выгоды, но она стала тосковать по возбуждению, которое уже не получала от рутинных политических убийств. У нее развился аппетит к опасности. Ей хотелось манить за собой дышащего ей в затылок охотника, который был бы достоин ее темперамента. Ей хотелось танцевать на лезвии бритвы. Она хотела меня.

Нико меня любил, и в его объятиях я всегда чувствовала себя в безопасности, но сатанинские игры Вилланель затягивали в бездну. Лишь после убийства Саймона я осознала весь безграничный диапазон ее психопатии. Я возненавидела ее, чего она на самом деле и добивалась. Она

продемонстрировала мне себя с наихудшей стороны, чтобы посмотреть, не дам ли я задний ход. Но вместо этого я с удвоенной страстью продолжила преследование, что привело Вилланель в восторг – впрочем, она никогда не чувствовала особой разницы между ненавистью и желанием, между охотой и любовными ухаживаниями – и я, в конечном итоге – тоже.

Когда же я потеряла берега? Может, в Венеции, где, обнаружив, что Вилланель месяц назад побывала тут с другой женщиной, своей любовницей, я вдруг почувствовала укол ревности? Или, может, еще раньше, на обочине шоссе, после ее рассказа о той дождливой ночи в Шанхае, когда она проникла в мой гостиничный номер и разглядывала меня спящую? Но сейчас это уже не имеет значения. Важно только то, что, когда Вилланель позвала меня с собой, приказав бросить свою жизнь вместе со всем и всеми, что в ней были, я сделала это без колебаний.

К тому моменту я уже знала, что моя работа была ложью. Что с самого первого момента нашего знакомства с Ричардом Эдвардсом меня мастерски и коварно водили за нос. Когда Ричард попросил меня заняться Вилланель и «Двенадцатью», мне польстило, что он по достоинству оценил мои дедуктивные способности и интуицию. На самом же деле он все это время работал на «Двенадцать» и использовал меня, как канарейку в шахте, тестируя систему безопасности своей организации. Это была классическая операция под ложным прикрытием, и, проводя ее неофициально – по причинам, которые в то время казались мне вполне резонными, – он делал все, чтобы об этом ничего не пронюхали в МИ-6.

Я и сама начала подозревать, что меня используют, но именно Вилланель подтвердила мои подозрения. Она – психопатка и патологическая лгунья, но при этом – единственный человек, кто открыл мне глаза. Она хладнокровно показала, с какой легкостью мною манипулируют. Я чувствовала себя зрителем, наблюдающим, как демонтируют хитроумные сценические декорации, когда на их месте вдруг остаются только канаты, блоки и голые кирпичи задней стенки. Она рассказала, что ей назначили следующую цель, и что эта цель – я. Мне стало известно больше, чем предполагалось. Для «Двенадцати» я перестала быть простофилей и превратилась в проблему.

Наша встреча и последовавшие события – все это было обставлено в духе классической Вилланель. Я тогда только что вернулась из кошмарной поездки в Москву и, войдя в свою квартиру, обнаружила там Вилланель в латексных

перчатках – она сидела в ванне и мыла голову. Между кранами лежал девятимиллиметровый «зиг». Я была почти уверена, что она собирается меня застрелить. Когда спрашиваешь, сколько людей она убила, Вилланель скромничает. «Сколько надо», – говорит она, но по моим подсчетам, число ее жертв – девятнадцать или, может, двадцать.

Нам требовалось инсценировать мою смерть, а затем – исчезнуть.

Что мы и сделали, и вскоре уже мчались к северу на ее мотоцикле «Дукати» – я сидела сзади, крепко обхватив ее руками. На самом деле Вилланель не оставила мне никакого выбора, но в тот момент мне это было и не нужно. Я была готова, улетаю прочь, сжечь все мосты.

С тех пор я часто думаю, что бы случилось, прими я другое решение. Если бы вымолила у Нико прощение, обратилась в полицию или пошла бы со своей историей к газетчикам. Осталась ли бы я в живых? Или все бы кончилось машиной с отказавшими тормозами, сердечным приступом по пути в магазин или смертью со всеми признаками самоубийства? Или «Двенадцать» решили бы, что я не стою смерти, и обставили бы дело так, чтобы меня сочли чокнутым конспирологом, очередным новобранцем в тоскливой, мутной армии людей, несущих легкий бред, – поверил бы мне хотя бы Нико? Или я до исхода дней ловила бы на себе его изучающий взгляд, болтая ни о чем за ужином или просиживая бесконечные вечера в бридж-клубе?

В линкольнширском порту Иммингем мы пробрались на борт. Это стоило нам мотоцикла и остатков моего самоуважения. Покупателем был палубный матрос, сошедший на берег по моряцкой визе. Мы подцепили его неподалеку от терминала, в псевдоирландском пабе – настолько унылом, что это даже веселило. Уже битый час мы сидели там над парой кружек пива, и тут вошел он. Вилланель с первого взгляда опознала в нем русского, перескочила за его столик и принялась за работу. Его звали Игорь, а плыл он – как мы и надеялись – на «Кирово-Чепецке», контейнеровозе класса «Панамакс», направлявшемся в Петербург. Вилланель времени даром не теряла. Влив в Игоря три рюмки водки, она перешла к делу. Игорь, похоже, не был слишком удивлен.

Когда мы повели его показывать мотоцикл, на улице шел снег. Вилланель расстегнула непромокаемый чехол, и Игорь присвистнул. Даже я, которая в мотоцикле не отличит руль от колеса, видела, насколько прекрасен «Дукати», а мчаться на нем, сидя позади Вилланель, было поездкой мечты.

– Хочешь попробовать? – спросила Вилланель, выпустив изо рта облачко пара. Задумчиво поглаживая переключатели на руле и пепельно-серый бак, Игорь кивнул. Он перекинул ногу через седло, включил зажигание, почти беззвучно тронулся и объехал вокруг парковки, ловя светом передней фары порхающие снежинки. Слезая, он выглядел явно очарованным, и Вилланель на быстром и образном русском принялась ковать железо, пока горячо. В ответ он что-то промямлил, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

– Он проведет нас на борт завтра вечером, – сказала Вилланель. – Но мотоцикла будет недостаточно. Если его застукают, он получит срок.

– Чего он хочет?

– Он хочет посмотреть на твои... – Она кивнула на мою грудь.

– Мои... Нет. Еще чего!

– Всего один снимок, только для личных нужд. Он говорит, ты ему напоминаешь его тетю Галю.

– Ты, б..., издеваешься?

– Нет. Она – водитель трамвая в Смоленске. Покажи ты ему.

Я обвела взглядом парковку. Кроме нас троих там не было ни души. Я расстегнула молнию на своей кожаной куртке и задрала свитер, терможилет и лифчик. Черт, было нежарко.

Не спуская с меня глаз, Игорь пошарил в карманах своих спортивных штанов и вытащил телефон. Потом он не меньше минуты всячески приседал и наклонялся, пока не сделал наконец желанный снимок.

– Только чтобы там не было моего лица! – сказала я, дрожа. Снег залепил мне очки.

- На фига ему твое лицо? Нет, правда, он говорит, что у тебя очень красивая грудь. И я с ним согласна.

- Рада, что вы тут так замечательно проводите время. Но я сейчас себе сиськи отморожу буквально. Можно мне одеться?

- Угу, все в порядке. Он нам поможет.

- Когда этот контейнер погрузят на борт? - шепотом спросила я, пока мы вили себе гнездо среди тюков одежды.

- Водитель сказал, завтра. Скорее всего, где-то в районе полудня.

- Как думаешь, перед погрузкой будут проверять, что внутри?

- Могут. Боишься?

- В данный момент просто не хочу, чтобы нас поймали.

Она промолчала.

- Ты долго это планировала? - спросила я.

- Я всегда знала, что в один прекрасный день все может измениться и мне, возможно, придется валить. Поэтому прорабатывала пути отхода. Но вот чего я не планировала - так это тебя.

- Ну извини.

- Все нормально. Разговорный русский у тебя ни к черту, так что в Питере прикинешься немой. Или, может, слабой на голову. Или и то, и другое. Скидывай всю эту свою кожу и ботинки.

- Зачем?

- Чтобы завтра, когда проснешься, было что надеть. И потом, мы должны греть друг друга, делиться теплом своих тел. Делай, что я говорю.

- Прошу, - произнесла я.

- Прошу что?

- Просто прошу.

Она отпрянула от меня.

- На х... твоё «прошу», suchка. Хочешь выжить, слушайся меня.

- Понимаю.

- Не похоже, чтобы понимала. Это - мой мир, ясно?

- Но теперь и мой тоже. Хочу я того или нет.

- Думаешь меня кинуть? Отлично. Посмотрим, сколько ты протянешь, uebanutaya.

В темноте я её не видела. Но ощущала, как лучи её ярости пронзают мрак.

- Вилланель, - начала я. - Оксана...

- Никогда не называй меня так!

- Ладно, прости. Но...

- Никаких «но», Поластри. Надеюсь, ты околеешь от холода. Я серьёзно! Надеюсь, ты сдохнешь здесь на х...!

Я сняла куртку, брюки и ботинки и положила так, чтобы их было легко найти на ощупь. Я слышала, как рядом то же самое делает Вилланель. Дрожь от холода, я примостилась среди тюков примерно в метре от неё. Медленно ползли минуты,

меня все плотнее окутывал холод, я лежала и слушала ее ровное, спокойное дыхание. Гнусная сука!

Чем я занимаюсь? Почему, зная о ней столько всего, я доверилась ей? Я стиснула зубы, но они все равно продолжали стучать. Я зажала ладонью рот, пытаюсь сдержать слезы отчаянной ярости и унижения и сознавая, что перечеркнула в своей жизни все, имевшее хоть какую-то ценность. Что я проигнорировала внутренний голос, пытавшийся меня уберечь, и связала свою судьбу с лишенным чувств чудовищем, которое запросто убивает людей направо и налево и которое, скорее всего, рано или поздно прикончит и меня.

Я шмыгнула и вытерла нос рукавом. В тот же миг я почувствовала, как Вилланель пододвинулась. Она приникла ко мне сзади, повторяя изгибы моего тела: ее колени – в ложбинках с изнанки моих коленей, ее груди прижаты к моей спине. Раздвинув носом мои волосы, она уткнулась лицом мне в шею. Потом положила ладонь на мою руку и сомкнула пальцы на запястье. Моя дрожь не унималась, и она прижалась ко мне еще плотнее.

В итоге тепло ее тела проникло в меня, и я успокоилась. Нас обволакивала тишина, и я представила, как снежинки шуршат по крыше и стенкам контейнера. Моя рука дернулась, как это порой бывает во сне, и Вилланель сжала мою ладонь, твердо упершись в нее большим пальцем. Она закусилась прядь моих волос и нежно дернула, а потом лизнула мой загривок, как львица. И цапнула зубами – довольно сильно.

Я стала изгибаться, пытаюсь вывернуться, но она схватила меня за плечи, рывком перевернула на спину и забралась на меня сверху – мы оказались лицом к лицу в темноте, ее холодный нос касался моей щеки, я ощущала кислое от пива дыхание. Потом ее язык оказался у меня во рту – извиваясь, ощупывая. Я отвернула голову.

– Прекрати!

– Почему?

– Просто... давай поговорим.

Она перевернулась на бок.

- О чем?

- Тебе когда-нибудь был небезразличен другой человек? Ты когда-нибудь чувствовала хоть что-то?

- Думаешь, я не умею чувствовать?

- Не знаю. А умеешь?

- Я чувствую так же, как и ты, Ева. Я - не какой-то там урод.

Она взяла мою руку и засунула себе в трусы.

- Потрогай мою киску. Она мокрая.

Действительно, мокрая. Я на миг задержала там свою руку - мимолетный, головокружительный миг.

- Это не то же самое, что быть равнодушным к человеку, - услышала я свой голос.

- Но это неплохое начало.

Я вернула контроль над дыханием.

- Ты когда-нибудь любила?

- М-м-м... Типа того. Однажды.

- И?

- Она не захотела меня.

- Что ты почувствовала?

– Хотела себя убить. Ей назло.

– Ну и где же во всем этом я?

– Ты здесь, коза! Со мной. – Ее пальцы нащупали мои волосы. – И если ты меня сейчас же не поцелуешь, я тебя точно прикончу. – Она потянула меня к себе, но этого и не требовалось, мои губы уже искали ее рот.

Наши тела сплелись, мы ласкались носами, терлись губами и вслепую, отчаянно целовались. Я почувствовала, как ее пальцы пробираются под пояс моих термолосин и трусов и стягивают их, а когда она вновь уселась на меня, я попыталась снять с нее свитер, но ворот оказался слишком тугим, и она упала на меня, смеясь и нашептывая, что я сейчас ее задушу. Сидя верхом на мне, она медленно стянула свитер через голову. Он скользнул по моим щекам – теплая шерсть, застарелый пот – и исчез, а следом за ним – ее жилет и лифчик. С меня она тоже все это сняла, и я передернулась от накрывшего меня холода.

– Нам надо заняться твоей закалкой, pupsik, – прошептала она, освобождаясь от лосин и трусов.

Все, что дальше, – восторг познания. Ее кожа и моя кожа, ее запах и мой запах, ее губы и мои губы. Вилланель взяла на себя инициативу – мне и самой это требовалось, – и ее рука уверенно проникла между моих бедер. Она однажды убила человека, проткнув ножом бедренную артерию. Удар был настолько искусным и хирургически выверенным, что жертва, скорее всего, не сразу осознала случившееся. Чувствовала ли она пульс моей бедренной артерии? Когда ее пальцы скользнули в меня – помнила ли она в тот момент другие, более кровавые проникновения? А зондируя меня своим теплым языком – вспоминала ли она, как, бывало, раздвигалась в стороны плоть перед смертью?

Когда все закончилось, мы укрылись нашими свитерами и куртками, и я свернулась, приняв ее позу и прижавшись к ее спине. Несколько минут я так и лежала, переполненная эмоциями, касаясь губами нежных волос на ее шее, которые слегка вздрагивали от моего дыхания.

– Странно, – произнесла она. – Я не помню, как ты выглядишь.

– Совсем?

- Совсем. Ты можешь быть кем угодно.

Я приподнялась на локте.

- Почему я тебе нравлюсь? Только честно.

- А кто сказал, что ты мне нравишься?

- Не нравлюсь?

- Может и нравишься. А может, я просто хотела залезть к тебе в трусы. Они, кстати, ужасные.

- Ах вот как!

Она потерлась об меня задом.

- Если честно, у меня слабость к долбанутым теткам. Особенно в очках.

- Вот спасибо тебе большое.

- Pozhaluysta. Мне надо пописать.

Она этим и занялась – шумно, в ведро, установленное ею между тюками в углу. Я отправилась следом и сделала то же самое (нелегкая задача в темноте), а потом мы оделись – иначе слишком холодно, – и я вновь прижалась к ней сзади, чувствуя острый запах ее волос.

- Согласись, pupsik, – еле слышно прошептала она, – этот твой медовый месяц куда романтичнее, чем в первый раз.

Наутро мы пробудились вместе с грузовиком, который, вздрогнув, направился к докам. Мы лежали, не шевелясь, а тишину нарушало лишь поплескивание мочи в ведре. Через двадцать минут мы остановились, и я почувствовала, как тело Вилланель расслабилось, а дыхание – замедлилось и успокоилось. А ведь это – момент максимальной опасности. Если содержимое контейнера и будут

проверять, то именно тут. Я попыталась подражать дзеновской отрешенности Вилланель, но меня тут же неудержимо затрясло. Сердце заколотилось так бешено, что я уже собралась на тот свет.

Через весь контейнер прокатился глухой ляг. Я принялась отчаянно закапываться в тюки, не обращая внимания на взрыв боли в носу, которым я врезалась не то в лоб, не то в плечо Вилланель. Грузовик снова тронулся, но я оставалась лежать под тюками, вдыхая плотный запах слежавшегося хлопка. На этот раз мы ехали не так долго и, по всей видимости, встали в очередь на погрузку, поскольку теперь продвигались вперед рывками. После последнего рывка двигатель умолк. Потом – резкие звуки металла по металлу, глухой, тяжелый удар, и мы стали подниматься в воздух. До этого я с ужасом ожидала момента, когда нас начнут перегружать с берега на борт, представляя доводящее до тошноты раскачивание контейнера под стрелой крана. Но, разумеется, ничего подобного. Процесс прошел гладко, как по маслу. Единственный стальной удар – когда наше временное жилище поставили на место. А потом еще один легкий стук – когда его зафиксировали на нижних контейнерах.

Шли часы, вонь мочи нарастала, а Вилланель продолжала пребывать в подобном трансу состоянии суровой немоты. Может, она мысленно жалела о своем решении взять меня с собой и теперь считает его роковой ошибкой? Может, прошлая ночь ничего для нее не значила? Я лежала, уставившись в холодный мрак. И в итоге заснула.

Проснулась я от мурлыканья двигателей «Кирово-Чепецка» и легкого поскрипывания окружающих нас контейнеров. Пока я очухивалась, рука Вилланель нащупала в темноте мою.

– Ты в порядке? – прошептала она.

Я кивнула, хотя еще не совсем пришла в себя.

– Алё! Мы живы. Мы выбрались.

– Это сейчас.

– А кроме «сейчас» ничего и нет, pupsik. – Она прижала мою ладонь к своей ледяной щеке. – Кроме «сейчас» нет ничего и никогда.

Глава 2

Я потихоньку вникаю в жизненные циклы Вилланель.

Она порой уходит в себя. Замыкается в потайной цитадели своего разума. Я сижу рядом, ощущаю ногой тепло ее ноги, мы дышим дыханьем друг друга, но она при этом – где-то за тысячу миль, в своем арктическом затворничестве. Порой это случается, когда мы укладываемся спать, а она подкапывается ко мне, чтобы согреться. Душой она по-прежнему где-то не здесь. Мне постоянно хочется сказать ей, что она не одинока, но фишка в том и состоит: она одинока чрезвычайно.

Эта ее замороженность может длиться часами, а потом – словно солнце взошло – она вдруг осознает, что кроме нее тут еще и я. В такие минуты я научилась ждать и подмечать, куда прыгнет эта кошка, поскольку она абсолютно непредсказуема. Порой меланхолична и просто хочет на ручки, а порой – сердита и ехидна, как капризный ребенок. Когда она хочет секса, то тянется ко мне. Четверо суток в море – за это время секс превратился в жесткое, дикое занятие. Вода нужна нам для питья, и о том, чтобы подмыться, не может быть и речи. От нас воняет. Но мы не слишком этим озабочены. Вилланель знает, чего она хочет, и особо не церемонится, а я – благодаря темноте и отчаянной неопределенности нашей ситуации – окончательно освободилась от своих табу и в итоге стала великолепной партнершей. Ей это нравится. Она гораздо сильнее, и с легкостью могла бы отпихнуть меня в сторону, когда я валю ее на спину, а сама усаживаюсь сверху, но она позволяет и лежит подо мной, пока я глажу ее грудь и нащупываю языком и зубами шрам на ее губе. А потом она хватает меня за руку, тянет ее вниз, засовывая мои пальцы внутрь себя, и трет мое запястье, пока не начинает стонать, а порой – смеяться, и я тогда ощущаю, как ее бедра напрягаются и резко вздрагивают.

– Ты никогда раньше не была с женщиной? – говорит она. – Неужели я первая?

Этот диалог у нас состоялся раньше.

- Ты прекрасно знаешь, что это так, - отвечаю я.

- Я не знаю.

- Солнышко, поверь мне на слово. Ты - первая.

- Угу.

- Я много об этом размышляла. Каково это - быть с тобой. Что бы из этого вышло.

- Так вот чем ты занималась целыми днями в своем говенном офисе. Думала о сексе со мной?

- В основном я пыталась тебя поймать, если помнишь. Тебя пыталась поймать целая бригада из МИ-6.

- Вы даже близко не подобралась, pupsik. Как там их зовут, этих лузеров, которые с тобой работали?

- Билли и Ланс.

- Точно. Билли и Ланс. Ты думала о сексе с ними?

- Вообще ни разу. Билли - ботан-компьютерщик, который живет с мамочкой, а в Лансе есть что-то от крысы. Суперхитрой, отлично дрессированной, но все равно, понимаешь...

- Крысы?

- Именно.

Она задумывается.

- А ты знаешь, что в Париже я порой от нечего делать хакала твой компьютер?

- Да, ты говорила.

- Это было так скучно. Всегда. Я надеялась найти имейлы от любовника или что-нибудь в этом духе. Но там были только заказы на мешки для мусора, ловушки для моли и жуткие, уродливые шмотки.

- Ну извини. Это называется жизнью.

- Жизнь не обязана быть такой тоскливой. Тебя никто не заставляет, например, покупать акриловые свитера. Даже моль от них тошнит.

- Ты зарабатываешь убийствами и при этом критикуешь мой трикотаж?

- Нет, Ева, это не одно и то же. Одежда - это важно. И что такое «Ринс-Эйд»? Что-то для волос? Или благотворительный фонд?

- Солнышко, ты никогда не пользовалась посудомойкой?

- Нет. Зачем?

Я целую ее в нос.

- Неважно.

- А теперь ты надо мной смеешься. Снова.

- Нет, что ты! Серьезно.

Ее дыхание замедляется.

- Я могла убить тебя, Ева. С легкостью. Но не стала. Я спасла тебе жизнь, рискуя своей, и это, между нами говоря, было офигенно тупо. Но поскольку ты мне небезразлична, я вытащила тебя из Лондона, избавила от «Двенадцати» и от идиота мужа, которого ты никогда не любила, и везу тебя в свою страну. И что ты делаешь в ответ? Стебешься надо мной - я, видите ли, не знаю, что такое гребаный «Ринс-Эйд».

- Солнышко, я...

- Прекрати называть меня «солнышком». Я – не солнышко тебе, а ты – не солнышко мне. Ты в курсе, что моя девушка сидит из-за тебя в московской тюрьме?

- Если ты о Ларисе Фарманьянц, не думаю, что она там из-за меня. Она пыталась застрелить меня на людной станции метро, а попала в безобидного старика и ее арестовали.

- А сейчас она заперта в Бутырке. Знаешь, что я тебе скажу? Мне жаль, что ты не там, а Лариса – не здесь. Она могла лизать мою киску часами напролет. Таких мощных челюстей я у женщин больше не встречала – как у питбуля.

- Судя по описанию, она очаровательна.

- Так и есть.

- Я трепещу. Ты закончила?

- Закончила что?

- Быть избалованной, манипулятивной мелкой сучкой.

- Я буду такой сучкой, какой захочу. Я создала тебя, Поластри. Могла бы проявить, б..., благодарность.

Вот такой она занозистый клубок противоречий. Я не могу взять в толк, как в одном человеке уживаются столь свирепая самодостаточность и эмоциональная нестабильность. Она может игриво и нежно покрывать мое лицо поцелуями, а через миг поливать меня самыми обидными словами, какие только способна придумать. Знаю, что ее жестокость – лишь оболочка, способ защитить хрупкое чувство собственного «я», но все равно это всякий раз ранит меня, как нож. Потому что в настоящий момент потерять ее значит потерять все. И она в курсе.

Возможно, мне не следует удивляться поведению Вилланель: конечно, так беситься из-за «Ринс-Эйд» – полное безумие, но этот эпизод позволяет мне осознать, насколько бесконечно одиноким было ее существование. Она никогда не пользовалась посудомойкой, ей это было не нужно – она всегда жила и ела одна. Решив спасти мне жизнь, рискуя своей, она пошла против собственной природы.

Почему она это делает? Инсценировка моей смерти и наш побег из Лондона – все это было чрезвычайно дерзко и тщательно спланировано. Почему она взваливает на себя все эти хлопоты ради меня? Я ей и впрямь небезразлична, или же у нее просто идефикс, зудящее место, которое невозможно не почесать? А я сама? Что чувствую я, если не считать того факта, что я безумно хочу ее и буквально дышу теми моментами, когда в темноте мы тянемся друг к другу?

Мы беседуем. Поначалу – с грехом пополам и урывками, но вскоре наши беседы начинают длиться часами напролет. Разговоры отвлекают от болезненных спазмов в желудке, которые я начала порой испытывать. Когда я ощутила их впервые (словно змея в кишках все туже и туже сворачивается в кольцо), то испугалась, что это гастроэнтерит или заворот кишок. Я поделилась с Вилланель, а она в ответ рассмеялась, ткнула мне в живот жестким пальцем и сказала, что это от голода.

– У меня часто такое бывало в детстве. Первые пару дней будет неприятно, а потом пройдет.

– А дальше что?

– А дальше твои внутренности начнут переваривать сами себя.

– Замечательно.

– Да шучу. Все будет в порядке. У меня в Париже была знакомая модель, чей дневной рацион состоял из одного-единственного макарона от «Лядюрэ».

– Ух ты. А с каким вкусом?

– Фисташковым.

– О боже. Я бы сейчас душу продала за фисташковый макарун.

– Поздно.

– В смысле?

– Твоя душа принадлежит мне. Она не продается. Придется тебе поголодать.

– Вот черт! Ладно, тогда рассказывай.

– О чем?

– Расскажи о Париже.

– Я любила его. Я там была *une femme mysterieuse* [2 - Таинственная дама (фр.)]. Никто не знал, кто я на самом деле, но я видела, как люди глазеют на меня, и думала: вот блин, если бы вы только знали. Но они, разумеется, ничего не знали. И я от этого тащила. Там был один мужик, очень богатый...

Она всегда хвастается. Ей нравится описывать, как она отомстила тем, кто ее недооценил (длинный список), и с какой легкостью она перехитрила тех, кто хотел ее расколоть.

Из-за ее привычки мифологизировать свою жизнь сложно установить истинную картину, но основные факты мне и так известны, поэтому я постепенно складываю детали в единый образ. Ее настоящее имя Оксана Борисовна Воронцова, родилась она в заштатном приуральском промышленном городе Пермь. Мать умерла от рака, когда Оксана была еще ребенком, а отец служил в армии и частенько отсутствовал. Имея асоциальное расстройство личности, Оксана провела детство в одиночестве, без друзей и подруг. Она превосходно училась, но нередко попадала в истории из-за вспыльчивого нрава и деструктивного поведения. В школе она сильно привязалась к учительнице французского по имени Анна Леонова. Однажды вечером по дороге из школы Анну изнасиловали на автобусной остановке. Подозрение пало на одного парня, и вскоре после этого его нашли в состоянии спутанного сознания и с большой

кровопотерей.

– Я кастрировала его, – рассказывает мне Вилланель с налетом самодовольства. – Я притворилась, будто сейчас сделаю ему минет, а сама ножом отрезала ему яйца. На меня никто не подумал.

На самом деле местная полиция очень хорошо представляла, кто это сделал. В отделе по делам несовершеннолетних на нее уже имелась папка, но расследование прекратили за отсутствием улик. Но когда Оксану – которая к тому времени училась в университете – арестовали по обвинению в убийстве, полицейские проявили бо?льшую дотошность. Жертвами оказались три местных бандита, которые – как она заявила – убили ее отца. Это соответствует тому, что я слышала в ФСБ от Вадима Тихомирова – правда, версия Вилланель существенно отличается от официального изложения. По ее словам, отец внедрился в банду под прикрытием. Полиция же считала, что в банде он был шестеркой, и поймали его на воровстве у паханов.

Когда Оксана ожидала суда, человек по имени Константин вытащил ее из тюрьмы, инсценировав смерть. Она не знала его фамилии, но вероятнее всего это был Константин Орлов, бывший высокопоставленный и весьма уважаемый офицер разведки. Он несколько лет возглавлял Управление «С», секретное бюро, в чью компетенцию входило устранение зарубежных врагов Российского государства. К моменту их знакомства с Оксаной он, судя по всему, выполнял похожие функции на службе у организации под названием «Двенадцать».

– Он знал обо мне все, чуть не с самого рождения, – с гордостью вспоминает Вилланель. – Он сказал, что моя миссия на этом свете – изменить ход истории.

На практике это означало выполнение заказных убийств для «Двенадцати». Орлов сам контролировал ее обучение и позднее стал куратором, организовал ей парижское жилье и время от времени отправлял убивать.

Вилланель полюбила свою новую жизнь. Просторная квартира с видом на Булонский лес, деньги, прекрасная одежда. Она даже завела себе подругу, состоятельную молодую женщину по имени Анна-Лаура, с которой они обедали в фешенебельных ресторанах, занимались шопингом и порой устраивали с кем-нибудь секс втроем. Думаю, даже больше всего этого шика ей нравился ее секрет – что она не тот человек, каким ее знает мир. В зеркале она видела перед

собой не стильную светскую тусовщицу, а темного ангела, вестника смерти. Эта тайна была для нее не меньшим наркотиком, чем сами убийства.

И по-прежнему остается. Она не посвящает меня в свои планы, касающиеся нашей поездки в Россию, – ведь пока она держит информацию при себе, это дает ей некоторую власть надо мной. Не знаю, удастся ли мне убедить ее ослабить хватку. Надеюсь, что удастся – ведь без взаимного доверия у нас ничего не выйдет.

Я – уже не та, какой была прежде. События прошлой недели показали мне темную сторону моей натуры, которую я всегда отвергала, и заставили меня прислушаться к звукам на заднем плане, которые существовали и раньше, но я всегда делала вид, будто их нет. Мои основы не пошатнулись, а попросту исчезли. Их стерла Вилланель.

– Твою мать, Вилланель!

– Чего?

– Ты лягала меня буквально всю ночь.

– А ты всю ночь пердела.

– Неправда. Это ты только что сочинила.

– Ничего я не сочинила. Все потому, что ты не снешь.

– Ага. Теперь ты у нас тут врач?

– Ева, с тех пор, как мы вышли из Лондона, ты ни разу не посрАла.

– Не посрАла, а посралА.

– Что, правда?

- Женский род, прошедшее время.
- А знаешь, ripsik, почему ты целую неделю не сралА? Потому, что ты зажата.
- Ты у нас еще и психолог. Прелестно.
- Ты стесняешься. Вот и держишь все в себе.
- Ни фига подобного.
- Тебе надо замочить пару человек. Освободить свою систему. Тогда не будешь так напрягаться и сможешь спокойно посрать перед своей девушкой.
- Повтори.
- Что повторить?
- «Своей девушкой».
- Своей девушкой. Своей девушкой, своей девушкой, своей девушкой. Довольна?
- Нет. Повторяй, не умолкая.
- Ты какая-то подкаблучница.
- Знаю. Иди сюда.

Последняя ночь в контейнере – самая тяжелая. Боковой ветер со свистом лупит по скрипящим и стонущим стеллажам. Мои голодные судороги объединяют в темноте свои усилия с килевой и бортовой качкой, и меня начинает выворачивать. Прижав колени к груди, я лежу с открытыми глазами, чувствуя, как к горлу подкатывает кислота. Потом неудержимые рвотные позывы поднимают меня на четвереньки, но мой желудок пуст. Натиск ветра длится уже несколько часов, мое тело выжато, а горло саднит от рвоты всухую.

Все это время Вилланель не произносит ни слова, не делает ни единого сочувственного жеста. Хватило бы просто касания, но я не достаиваюсь даже намека. Не знаю, спит она или нет, злится или ей наплевать. Ее просто нет. Я ощущаю тотальное одиночество, я чуть ли не готова уже найти себя поутру в пустом контейнере. Если, конечно, утро вообще наступит.

Кое-как я отключаюсь. Сколько я проспала – неведомо, но, проснувшись, обнаруживаю, что ветер стих, мои спазмы прошли, а Вилланель спит, прижавшись к моей спине. Я лежу, не шевелясь, чувствуя тяжесть ее руки на моей и слушая посапывание у своего уха. Осторожно двигаясь, стараясь не разбудить ее, я меняю позу, чтобы взглянуть на часы. Седьмой час утра по местному времени. Снаружи светает, наступает новый день – холодный и опасный.

Вилланель наконец начинает ворочаться, зевает, потягивается как кошка и утыкается лицом в мои волосы.

– Ты в порядке? А то ночью ты издавала жуткие звуки.

– Ты не спала? Почему же ничего не сказала? Я думала, что помру.

– Ты вовсе не умирала, pupsik, а маялась морской болезнью. Словами тут не поможешь, и я заснула.

– Я чувствовала себя покинутой.

– Но я лежала прямо здесь.

– Неужели ты не могла ничего сказать?

– И что бы я сказала?

– Блин, Вилланель, я не знаю. Просто дала бы мне знать, что понимаешь, как мне плохо.

– Но я же не знала, что ты чувствуешь. – Она встает и по тюкам пробирается к аварийному люку. Через минуту в контейнер проникает тусклый утренний свет.

Спустив лосины и трусы, Вилланель присаживается над ведром. В своем толстом свитере она выглядит бесформенной и зачуханной, волосы клоками торчат во все стороны. Я следую в ту же сторону, тоже мочусь, потом несу ведро к люку и выплескиваю содержимое. Моча замерзает моментально, добавляя новый слой к каскаду желтоватого льда, покрывающего внешнюю стенку контейнера.

Высунувшись навстречу морозным порывам ветра, я вглядываюсь в горизонт. Небо от земли отделено серым, еле заметным лезвием ножа. Не исключено, что это оптический обман, поэтому я достаю из кармана куртки очки и снова смотрю. Это земля. Россия. Пытаясь собраться с мыслями, я вглядываю из люка, и тут сзади подходит Вилланель, прижимается холодной щекой к моей.

Она шмыгает и вытирает нос рукавом.

- Когда доберемся, будешь делать все, что я скажу, ладно?

- Ладно. - Я наблюдаю, как постепенно материализуется силуэт Санкт-Петербурга. - Вилланель?

- Да.

- Мне страшно. Я, блин, реально, до чертиков боюсь.

Она засовывает руку под мой свитер и кладет ее мне на сердце: - Не проблема. Бояться, когда ты в опасности, - это нормально.

- А ты боишься?

- Нет, но я же ненормальная. Сама знаешь.

- Знаю. Я не хочу тебя потерять.

- Ты не потеряешь меня, pupsik. Но ты должна мне доверять.

Я оборачиваюсь к ней, и мы обнимаемся, мои руки - в ее грязных волосах, а ее - в моих.

– Хороший был медовый месяц, правда? – произносит она.

– Идеальный.

– Ничего, что я психопатка?

Я напрягаюсь:

– Я никогда тебя так не называла. Вообще никогда.

– В глаза не называла. – Она покусывает меня за мочку уха. – Но я же и есть психопатка. Мы обе это знаем.

Я выглядываю в люк. Теперь видны и другие контейнеровозы, стекающиеся к порту вдалеке.

– Слушай, Ева, я знаю, ты хочешь, чтобы я – как бы – пыталась чувствовать так же, как ты...

То ли это от голода, то ли от недосыпа, то ли просто от морозного ветра, но из моих глаз начинают бежать слезы. – Солнышко, все нормально, правда, все хорошо. Я... Ты меня устраиваешь такой, какая есть.

– Я попробую быть нормальнее, но если мы хотим остаться в живых, ты тоже должна быть немного как я. Немного...

– Немного Вилланелью?

Она проводит по моей шее обветренными губами.

– Немного Оксаной.

Глава 3

Мы чувствуем, что «Кирово-Чепецк» сбавляет скорость. Выглянув в люк, мы видим, что море до берега – мили две – покрыто льдом. Следующую пару часов мы стоим почти без движения, но потом слева по борту появляется ледокол, который начинает пробивать для нас дорогу к порту. Это безумно медленный процесс, и мы то лежим на тюках в раздраженном молчании, то высовываемся из люка навстречу студеному ветру, пока ледокол метр за метром разрезает скрипящий, с трудом поддающийся лед.

Уже давно стемнело, когда «Кирово-Чепецк» входит в док Угольной гавани, и вибрация двигателей постепенно прекращается. В стальном боксе, который без малого неделю служил нам домом, воздух пропитан запахом наших тел. Мы давно доели остатки сыра и шоколада, и мой желудок терзает голод. Я истощена, выжата и ужасно напугана – в основном меня страшит мысль, что Вилланель куда-нибудь денется, и я останусь одна. Какой у нее план? Что произойдет, когда контейнер откроют? Что будет с нами, и с чем мы столкнемся?

Разгрузка начинается через пару часов после остановки. Нас снимают одними из первых. У меня сердце готово выскочить из груди, пока раскачивающийся контейнер перемещают по воздуху, а потом фиксируют на поджидающем прицепе. Во внутренних карманах моей мотоциклетной куртки – «глок», который врезается мне в ребра, и три обоймы девятимиллиметровых патронов. Бог знает, что может случиться, если наш контейнер станут сканировать на предмет тепла человеческих тел или подвергнут досмотру. Игорь заверял нас в Иммингеме, что никаких подобных проверок не будет и что здесь позаботятся о нашей благополучной доставке на промышленный склад, но от Иммингема мы очень далеко. Когда грузовик трогается, я нащупываю щеку Вилланель. Она резко отстраняется.

– Что?

– А вдруг нас остановят?

Она зеваает.

– Ева, иди на хер.

– И все-таки?

– Если нас остановят, просто делай, что я скажу.

– Ты всегда так говоришь. Мне от этого не легче.

– Мне насрать. И хватит уже меня доставать.

Она поворачивается спиной, а я лежу, скрипя зубами. В настоящий момент я была бы рада аресту, полагайся к нему приличный обед, и наплевать на Вилланель и на то, что будет дальше. Мое воображение рисует теплый кабинет, дымящуюся тарелку борща, серый хлеб с толстой коркой, фруктовый сок, кофе... Я жутко взбешена и завязана в узел от голода и тревоги, и поэтому не сразу замечаю, что мы уже, оказывается, выехали из портовой зоны.

Грузовик неторопливо едет по городским окраинам, и мы ощущаем, как со скрежетом переключаются передачи. Там, где мы в конце концов останавливаемся, – полная тишина. Вдруг контейнер начинает оглушительно вибрировать, резко наклоняется, и все, что есть внутри, скользит вниз, заваливая задние двери. Меня несет туда же, и я в итоге обнаруживаю на лице колено Вилланель. Руками и ногами мы разгребаем завалившие нас тюки. Я провалилась так глубоко, что чувствую холодный стальной пол. Двери вот-вот откроют, и мое сердце колотится с такой скоростью, что я боюсь отдать концы.

Контейнер с мучительным скрежетом опускается на землю. Через несколько минут раздается приглушенный лязг стержней запора и двери распахиваются. Я застываю под тюками – челюсти стиснуты, глаза крепко зажмурены, а сама я так напугана, что не могу ни о чем думать. Проходят секунда за секундой, но новых звуков нет. Я смутно осознаю, что на моей спине лежит рука Вилланель. И вдруг всего в паре метров от нас что-то громко захлопывается, с рычанием оживает мотор грузовика, и через мгновение слышится отдаленный скрип несмазанных ворот.

Мы лежим неподвижно еще несколько минут. Я чувствую, как рука сползает с моей спины, и тюки начинают шевелиться. Но я все равно лежу, примерзшая к полу контейнера, даже не смея надеяться, что кроме нас здесь никого нет. Лишь услышав голос Вилланель, я открываю глаза и направляю взгляд вверх.

– Эй, коза! – шепотом зовет она, направляя мне в лицо сигнальный фонарик. – Все в порядке. Тут никого.

– Точно?

– Да. Вылезай.

Я неуверенно, на ощупь пробираюсь к открытым дверям контейнера, нахожу очки и озираюсь. Мы – на погрузочной площадке склада величиной с собор. Линейные неоновые светильники, висящие над нами на ржавых балках, испускают мрачное рассеянное свечение. Слева – смутные очертания стальных ворот. Узкий луч света на одной из створок указывает на калитку поменьше. Перед нами, уходя в даль и исчезая в темноте, стоят плечом к плечу ряды промышленных вешалок со свадебными платьями.словно армия невест-призраков.

Вилланель кивком командует идти за ней. Через пару шагов я останавливаюсь от дурноты и головокружения. Меня раздуло, и тут мои кишки пронзает резкая боль.

– Ты в норме?

Я стою пару секунд, покачиваясь:

– Мне просто надо очухаться.

Она хмурится, затем поворачивается и тыкает мне в бок пальцем:

– Больно?

– Да. Откуда ты знаешь?

– Это очевидно. Нельзя не срать неделю без последствий.

– Наверняка я скоро этим займусь. Ладно, все прошло, пойдем.

Мы обходим склад по периметру, но как отсюда выйти – неясно. Есть пара стальных, наглухо запертых пожарных дверей. До окон не добраться, они метрах в десяти над головой, а стеклянная крыша – и того выше. Небольшой кабинет, куда мы поднимаемся по лестнице, висит над залом. Он не заперт, на столе – накладные и другие документы, из которых следует, что склад принадлежит фирме под названием «Прекрасная невеста». Тут также лежит дешевенький телефон «Тексет» и черствый бутерброд с колбасой в бумажном пакете.

– Ешь, – говорит Вилланель. – Я не голодная.

Разумеется, она врет, но я все равно с жадностью за него принимаюсь.

– Только не жди от меня поцелуев в ближайшем будущем, – произносит она, натягивая латексные перчатки, которые у нее всегда с собой. – Ну и запах! Не иначе колбаса из ослатины.

– Я и не жду, – отвечаю я. – И мне плевать.

Она включает телефон. В батарее остался один процент заряда. Пока он совсем не сдох, я сверяю время со своими часами. Без двадцати шесть.

– Как думаешь, когда здесь начинается рабочий день?

– Я заметила у входа табельный таймер. Давай вернемся и глянем на карточки сотрудников.

Выясняется, что первые работники приходят в шесть или чуть позже – то есть уже вот-вот. У нас не больше четверти часа.

– Нам надо валить отсюда именно тогда, когда они начнут заходить, – говорит Вилланель. – Если попытаемся здесь спрятаться, нас точно накроют.

Пока я роюсь в контейнере, замечая следы нашего присутствия – рюкзаки, пустые бутылки из-под воды, обертки от продуктов, пакеты с дерьмом, – Вилланель бродит по складу, изучая ряды свадебных платьев. Ее особый интерес, похоже, вызывает один из массивных электрокалориферов на колесах,

установленных в центральном проходе на некотором отдалении друг от друга. Через пару минут она возвращается к контейнеру, собирает аккуратно завязанные пакеты с собственным дерьмом и показывает мне удобное укрытие среди вешалок метрах в десяти-двенадцати от ворот.

– Жди здесь, – наказывает она, передавая мне рюкзаки, – и не шевелись.

Минуты тянутся мучительно медленно. Меня ужасает мысль, что люди придут раньше, Вилланель сразу схватят, а меня обнаружат сидящей на корточках среди свадебных платьев. Но она наконец вновь возникает рядом.

– Когда я скажу, беги что есть дури к воротам, – говорит она, когда мы надеваем рюкзаки. – Молчи, не оглядывайся и держись ближе ко мне.

– Это и есть твой план? Бежать что есть дури?

– Да, такой план. Они – простые работяги и испугаются тебя куда больше, чем ты – их. Они не врубятся, что происходит.

Я гляжу на нее с сомнением, и в этот момент мы слышим, как со скрипом открывается та маленькая калитка в воротах. Я тут же срываю с носа очки и запихиваю их в карман. Раздается приглушенный гул голосов и неторопливая серия электронных звуков: работники «Прекрасной невесты» прикладывают свои электронные пропуска. Над головой дрожит свет ламп, в воздухе появляется душок табачного дыма, мимо нашего укрытия шаркают ногами невидимые фигуры, и мне начинает казаться, что расстояние от нас до ворот постепенно растет. «Хладнокровнее! – приказываю я себе, пытаюсь успокоить дыхание. – Это все равно что бежать по Тоттенхэм-Корт-роуд на 24-й автобус. Как два пальца».

Раздаются тархтящие звуки— включаются калориферы. Затянув ремешки рюкзака, Вилланель становится на низкий старт.

– Приготовься, – шепчет она, и я повторяю ее движения с пересохшим от волнения ртом. Тархтение калориферов перерастает в рокот, а затем раздаются звуки, похожие на дождь, прерывистые вопли, взрыв ругани и топот ног, бегущих к центру склада.

– Пошли! – командует Вилланель и бросается к выходу.

Я бегу на полкорпуса сзади, как будто мчусь на этот автобус. Поодаль справа от нас я ощущаю замешательство орущих людей и оборачивающиеся в нашу сторону злые лица. Мы кое-как добегаем до калитки, сигаем в нее и несемся по неровной, обледенелой земле к забору из рабицы. У выхода нас уже поджидает охранник в светоотражающем жилете. Он раскидывает руки в робкой попытке заблокировать нам проход, но Вилланель мгновенно выхватывает из куртки свой «зиг» и направляет ему в лицо. Он ныряет вбок, а я бегу мимо Вилланель к воротам и рывком открываю засов. Она вырывается за ворота, таща меня за собой, но тут моя нога на мерзлой земле подворачивается, и я тяжело валюсь наземь. Пытаюсь встать, но лодыжка взрывается от боли.

– Вставай, Ева, – говорит Вилланель спокойным, настойчивым голосом, а из склада тем временем начинает валить толпа.

– Не могу.

Вилланель смотрит на меня сверху вниз лишенными выражения глазами.

– Извини, детка, – произносит она, убегая.

Через пару секунд я окружена. Они спорят между собой, таращатся на меня и орут, о чем-то спрашивая. Я лежу на земле в позе зародыша, прижав колени к груди и зажмурившись. Чувствую, как опухает лодыжка. Боль адская. Это конец.

– Otkryvay glaza. Vstavay. – Мужской голос грубый, с обличительными нотками.

Я, прищурившись, украдкой смотрю вверх. Злые лица на фоне серо-стального неба. Говорящий – немолодой мужчина с бритой головой и лицом, похожим на череп. Рядом стоят женщина за сорок с пожелтевшими зубами, бледная, как призрак, и молодой парень с татуированной паутиной на шее. Вокруг топчется еще человек десять. Все они одеты в толстовки с капюшоном, комбинезоны и рабочую обувь. У них резкий тон, хотя по большей части они попросту выглядят озадаченными.

– Ты kto?

Я не отвечаю. Быть может, они – как и рассчитывала Вилланель – сочтут меня психически нездоровой. Решат, будто я слышу голоса, которые заставляют меня спонтанно проникать на чужую территорию и совершать там акты вандализма. А вдруг – хотя шансы на это стремятся к нулю, – кто-нибудь отвезет меня в больницу, откуда я смогу связаться с британскими властями. Непредсказуемое поведение, посттравматический стресс, – скажу я, оправдываясь, и это будет не так уж далеко от истины. Меня отправят на самолете домой и предпишут покой. Придется долго разбираться с Нико, но рано или поздно он примет меня назад и простит. А потом меня убьют «Двенадцать». Вот блин!

– Ты kto?

Я снова перевожу взгляд на череполицего. Он отдает серию приказов. Меня рывком ставят на ноги, снимают со спины рюкзак, и я, опираясь на двух женщин, тащусь, подпрыгивая на одной ноге, назад на склад. Все это время татуированный парень со спокойной настойчивостью говорит что-то в телефон. Я обнаруживаю, что теперь, когда я абсолютно беспомощна и неспособна повлиять на ход событий, страх улетучился.

Женщины помогают мне забраться по ступенькам и пройти через калитку, и меня тут же окутывает чудовищная вонь. Ею пропитано все, она лезет мне в ноздри, в горло, в легкие, и чем дальше мы продвигаемся в глубь здания, тем сильнее она становится.

– Zdes vonuayet, – говорит одна из женщин, прикладывая к носу косынку, и я не могу не согласиться. И впрямь воняет.

Вокруг одного из вентиляционных калориферов словно распылили тонкий, мелкодисперсный спрей из дерьма. От него стал скользким пол, им покрыты потолок и светильники, а дюжина самых изысканных свадебных платьев, еще недавно – цвета чайной розы, белые или кремовые, стали теперь в неромантическую коричневую крапинку.

Импровизация Вилланель оказалась шокирующе эффективной. Когда она готовила свою диверсию, я была слишком напряжена и не обращала внимания на то, чем она занята, но теперь мне понятен ее замысел. Прибыв на склад,

работники «Прекрасной невесты» захотят первым делом обогреть помещение, – рассудила она, – и загрузила в один из калориферов недельную порцию своего дерьма, аккуратно расфасованного в шесть биоразлагаемых пакетов. Пакеты быстро расплавились, а вентиляторы сделали все остальное. Сам калорифер уже отключили, но с него продолжало капать и испаряться дерьмо.

Омерзительно, конечно, но это – классическая Вилланель. Коронный, можно сказать, номер, исполненный гениальностью и ужасом, которыми славятся ее лучшие работы. Даже задыхаясь от вони, я узнаю тот особый дар, что заставил меня идти по ее следу. Кроме того, трудно не разглядеть в этой картине личное послание. Если надеешься на сказку со счастливым концом, – как бы говорит она, – можешь об этом забыть, поскольку все – дерьмо. И она не шутила, ведь ее здесь нет. Встав перед дилеммой, как поступить – прийти мне на выручку или спасти свою шкуру, она сделала выбор в пользу второго.

Разумеется. Она же психопатка.

Женщины ведут меня к центру склада, где уже ожидает череполицый. Меня сажают на стул, рюкзак кладут рядом. Учитывая обстоятельства, я удивлена их вежливостью и обходительностью.

– Ту kto? – снова спрашивают меня, и я снова отвечаю отсутствующим взглядом.

– Kto ona takaya? – Череполицый указывает в направлении, куда побежала Вилланель, и я хмурю брови, делая вид, что не поняла вопроса или не знаю, о ком речь.

– Она bolnaya na golovu, – говорит женщина с косынкой, и я, услышав предположение о проблемах с психическим здоровьем, устремляю на нее жалобный взгляд и, к своему удивлению, обнаруживаю, что у меня из глаз текут слезы.

Раз начала, то надо продолжать в том же духе. Я подаюсь вперед, прячу лицо в ладонях и принимаюсь всхлипывать. Я чувствую, как содрогаются мои плечи, а слезы текут сквозь пальцы. Я лишилась мужа, дома и, в сущности, жизни. Меня схватили в стране, которую я едва знаю, и вынуждают говорить на языке, которым я едва владею, бежать от врага, которого я не могу идентифицировать даже примерно. Нико считает меня мертвой, но «Двенадцать» так просто вокруг

пальца не обведешь. Единственный человек, который мог бы меня защитить, это Вилланель, но я лишилась и ее.

Не знаю, сколько я так просидела, переполненная жалостью к себе, но когда я наконец подняла голову, татуированный опустил руку с телефоном и сухо объявил:

– Едет Даша Квариани. Будет с минуты на минуту.

Вытирая глаза тыльной стороной руки, я рассматриваю окружающие меня лица. Кем бы эта Даша ни была, известие о ее приближении к хорошим новостям явно не относится.

Их пятеро. Четверо – молодые, одетые с иголки мужчины бандитского вида. Войдя, они встают, как вкопанные, заткнув носы и недоверчиво переглядываясь. Женщина не обращает внимания на запах и на беспорядочно бродящих кругами по складу работников, она широко шагает к центру помещения и осматривается. В этом антураже она – как видение. Черная дубленка, застегнутая на молнию до самого горла, холодные зеленые глаза, прическа каре из глянцевитых каштановых волос.

Она жестом подзывает мужчин. Двое из них приближаются ко мне, гоня перед собой дурманящую волну одеколona. Первый сажает меня на стул и брезгливо обыскивает, а второй вытряхивает вещи из моего рюкзака на пол и отделяет «глок» с обоймами от мятых свитеров и грязных носков с трусами. Женщина бросает взгляд на пистолет. Положив ладони на колени, она наклоняется вперед и задумчиво меня рассматривает. Потом отвешивает пощечину, и довольно сильную.

Я чуть не падаю. Но по-настоящему меня поражает не хлесткий удар, а то, что она считает меня кем-то, кого можно и нужно бить. Я в изумлении гляжу на нее и получаю вторую пощечину.

– Ну что, сука гнойная, как тебя зовут? – Русские ругательства порой весьма колоритны.

У меня внутри что-то щелкает, и я вспоминаю слова Вилланель. Ее пожелание, что я должна быть немного как она. Должна быть немного Оксаной. Она бы не

сидела безвольно на стуле, готовясь со слезами на глазах к худшему. Она бы наплевала на страх, засунула боль куда поглубже и обдумывала бы следующий шаг.

Я ни разу в жизни никого не била. Поэтому, когда я вдруг рывком вскакиваю со стула и звонко всаживаю кулак в милый носик Даши Квариани, то не знаю, кто из нас больше удивлен – она или я. Звук – словно хрустнула печенюшка, из ноздрей хлещет кровь со слизью, и она, прижав руки к лицу, резко отворачивается.

Все вокруг застывают на месте, и мужики, что обыскивали меня, хватают меня за запястья. Адреналин во мне настолько зашкаливает, что я ничего не чувствую. Даже боль в лодыжке утихла. Квариани сыпет злобными проклятиями, в ее голосе – кровь и слизь. Я почти ничего не понимаю, но улавливаю слова *ogromnaia blyat oshibka*. Она отдает пару команд, двое из складских рабочих убегают и вскоре возвращаются: у первого в руках моток промышленной веревки, а другой катит одну из высоких стальных вешалок.

Мужики ставят меня перед вешалкой и веревкой фиксируют мои кисти за спиной, ловко завязывая узлы. Моя самоуверенность быстро проходит, я не знаю, долго ли еще лодыжка сможет держать меня вертикально. Колени начинают дрожать, а мужики хватают меня под мышки, приподнимают и ставят на нижнюю перекладину у основания вешалки сантиметрах в тридцати над полом. Потом я чувствую, как мои кисти с силой выкручивают вверх и подвешивают к верхней перекладине. Я со связанными сзади руками заваливаюсь вперед, и боль начинает приступами врезаться мне в шею и плечи. Из всех сил стараюсь удержать равновесие, я понимаю, что, если ноги соскользнут с перекладины, то обе руки вывернутся из суставов, но колени у меня делаются ватными, а вывихнутая лодыжка горит.

Боль усиливается, я всхлипываю с одышкой и хватаю ртом воздух. Даша Квариани встает передо мной, я вижу лишь ее отороченные мехом полусапожки. Потом возле ее ног появляется пластиковое ведро с водой, ее руки поднимают его, и в следующий миг я уже вся мокрая, задыхаясь от ледяного шока. Я дергаюсь и извиваюсь с такой силой, что вешалка вдруг начинает клониться к полу. Доля секунды, и я бы оказалась на полу с расквашенным лицом, но невидимые руки успевают схватить вешалку и вернуть ее в вертикальное положение. В руках и плечах я больше ничего не чувствую. Мне нужно пытаться дышать, вталкивать воздух в сдавленные легкие. От холода в голове ни единой

мысли.

И тут внезапно гроыхает выстрел, тускнеет свет и по полу барабанят осколки разлетевшегося вдребезги стекла. Затем раздается мясистый хруст и глухой, тяжелый звук.

– Даша Квариани. Хорошо выглядишь, suchka. – Это Вилланель. Ее голос убийственно спокоен. От облегчения я расплакалась. Она вернулась за мной.

– Воронцова? – Голос Даши стал хриплым и неровным. – Оксана Воронцова? Мне казалось, ты погибла.

– Это не так. Быстро снимай ее оттуда, б..., а то сама, на х..., погибнешь.

Чьи-то руки развязывают меня и помогают дойти до стула. Я сижу мокрая и дрожу от холода. Вилланель стоит, широко расставив ноги, над лежащим бандитом – одним из тех, кто привязывал меня к вешалке. Глубокая кровоточащая рана в его голове нанесена, похоже, рукояткой вилланелевского «зига». Сочувствия я не испытываю, я счастлива видеть, что этот «зиг» сейчас направлен в лоб Даше Квариани.

– Отправь кого-нибудь за сухой одеждой, – приказывает Вилланель, кинув на меня. Квариани подает знак бледной женщине, и та нервно и торопливо удаляется, хрустя лопающимися под ее ногами осколками простреленной стеклянной крыши.

– Ты мне скажешь, какого хера тут делаешь? – спрашивает Квариани у Вилланель. – И убери свой «зиг». Ведь мы, в конце концов, обе – выпускницы Добрянки[3 - СИЗО, где сидела Вилланель и где Константин организовал инсценировку ее смерти в камере (прим. пер.)].

Вилланель медленно опускает пистолет.

– Твоя? – Квариани показывает на меня.

– Да.

– Извини, если мы грубовато с ней обошлись. Но я должна снова тебя спросить, Воронцова, что за херня тут происходит? Хозяин этого бизнеса платит мне за то, чтобы здесь все было спокойно, и тут мне звонят и говорят, что две сумасшедшие бабы залили весь склад дерьмом, сломали оборудование и испортили товара на сотни тысяч. И что я должна была делать?

Бледная женщина возвращается и ведет меня в обшарпанный женский туалет. Она нашла мне футболку, замызганный розовый свитер и выцветший рабочий комбинезон. На двери висит грязное полотенце для рук. Женщина жестами указывает на одежду и исчезает. Переодевшись в сухое и прихрамав назад, я застаю весело болтающих Вилланель и Дашу. Там, где лежал бандит с пробитой головой, теперь лишь кровавое пятно. Когда я подхожу, Вилланель и Даша устремляют на меня взгляды.

– Мило выглядишь, – обращается ко мне по-английски Вилланель. – Тебе идет пролетарский шик.

– Угу, очень смешно. Ты успела заметить, что еще пять минут назад твоя новая подруга меня пыталась?

– Да ладно, она извиняется, и ей правда очень жаль. И потом, она не новая подруга, а старая. Мы знакомы еще по тюрьме.

– Мир тесен.

– Да уж. Даша в Добрянке была известной личностью по кличке Шеевёртка. Ее отец был известный вор в законе. В Питере он имел такой вес, что прокуроры не осмелились судить ее в городском суде, а отправили за несколько тысяч километров в Пермь. И семья даже там смогла все уладить.

– Круто.

– Anglichanka? – спрашивает Даша, белозубо мне улыбаясь. – Ты англичанка?

Я игнорирую ее вопрос. Мои плечи до сих пор нестерпимо болят.

– А за что ее судили? – спрашиваю я Вилланель по-английски. – Что она натворила?

– Как-то вечером ехала в метро домой из института. Вагон был битком набит, и какой-то чувак стал ее лапать.

– Мою задницу, – добавляет Даша. – И я... – Она жестом показывает, как берет чувака за голову и яростно выворачивает. – Его шея так и хрустнула... как popcorn.

– Боже.

– Да ладно, я знаю.

– А свидетелей разве не было?

– Были, но отец с ними пообщался. – Потом она переходит на русский.

– Она говорит, это был ее эпизод. «MeToo», – объясняет Вилланель.

Глава 4

– Думаю, тебе пора называть меня Оксаной, – говорит она с ноткой сожаления в голосе.

– Наверное, пора. Мне нравилось Вилланель.

– Знаю. Классное имя. Но сейчас это опасно.

– Угу. Ладно... Оксана.

Мы лежим друг напротив друга в огромной старой эмалированной ванне в Дашиной квартире. Высокие окна выходят на магистраль, откуда еле слышно доносится гул машин и лязг трамваев. Оксана, само собой, заняла конец ванны,

противоположный от кранов, но горячая вода – все равно настоящее счастье после нашего заточения в контейнере.

Квартира – на третьем этаже массивного неоклассического здания в районе под названием Автово. Судя по всему, этот дом когда-то считался шикарным, такие строили для коммунистических шишек и их семей, но он явно уже пришел в упадок. Сантехника износилась, трубы щелкают и урчат.

– Смотри, какого цвета вода, – говорит Оксана, играя с пальцами на моей ноге.

– Вижу, грязноватая. А от твоего пердежа она чище не становится.

– Еще как становится! Это же прикольно. Гляди. Сжимаешь задницу – маленькие пузырьки, расслабляешь – большие.

– Грандиозно.

– Когда живешь одна, становишься экспертом в таких вещах.

– Наверняка. А что у нас с Дашей?

– В смысле, что у нас с Дашей?

– В смысле – мы у нее в гостях, в тюрьме или...?

– Мы с Дашей вместе сидели в Добрянке, и по бандитскому кодексу под названием vovovskoy zakon, мы – сестры. Сестры по убийству. Это значит, что она должна мне помогать. Я сказала ей, что была torpedo, стрелком, и работала на одну могущественную европейскую семью, а потом мне пришлось быстро свалить. Сейчас это все, что ей надо знать.

– А я?

– Про тебя она не спрашивала.

– Я – просто подружка у torpedo?

- Хочешь, чтобы я поведала ей про МИ-6? Я рассказала ей достаточно, чтобы она мне доверяла, потому что сейчас она нам нужна. Нам нужны новые документы, а она может это устроить. Или, по крайней мере, знает людей, которые могут это устроить. Короче, мы можем жить здесь сколько хотим, она нам поможет и не сдаст. Но взамен она ждет от меня ответной услуги. Что-то серьезное. Пока не знаю, проживем – увидим.

- А что делать мне?

- Ничего. Не добавишь горячей воды? На этом конце уже остывает.

- Хватит горячей воды. В каком смысле ничего?

- В смысле – ну не знаю – просто гуляй, что хочешь, то и делай. Даша знает, что ты – моя женщина. Она не станет втягивать тебя в криминал.

- Блин! Это выглядит... Даже не знаю, как это выглядит.

Она кусает большой палец моей ноги.

- А ты что же, хочешь стать гангстером, pupsik?

- Я хочу быть рядом с тобой. Я проделала весь этот путь не за тем, чтобы просто шляться по магазинам.

- А я – за этим. Я хочу, чтобы ты выглядела потрясающе.

- Seriously, Оксана, я же не просто твоя детка.

- А кто же еще? Ты в курсе, что твои ноги на вкус – как сыр «Эмменталь»? Который с большими дырками.

- А ты в курсе, что ты реально, серьезно, б..., ненормальная?

- Я ненормальная? При том, что в одной ванне с психопаткой лежишь именно ты.

Я пытаюсь поудобнее пристроить голову между кранами.

- Чем занимается Даша?

- Контрабанда, крышевание, наркотики... Скорее всего, в основном - наркотики. У ее отца, Геннадия, была бригада в купчинской братве, а эта братва контролирует в Питере весь героин. Когда он отошел от дел, то передал бригаду Даше. Это почти неслыханно, чтобы женщина имела у бандитов такой ранг, но она к тому времени уже была официально признанный *voг v zakone* и люди ее уважали.

- Еще бы. Она - гребаная садистка.

- Ева, *pupsik*, тебе пора уже забыть это утро и жить дальше. Попробайся взглянуть ее глазами. Склад «Прекрасной невесты» платит ей как крыше, а тут появляемся мы и устраиваем там реальный боже-ж-мой. Даше нужно было показать людям, что она контролирует ситуацию.

- Пытать меня было не обязательно.

- Ну, немножко попытала.

- Было бы множко, не появишься ты.

- Она просто делала свою работу. Почему, когда женщина на своем рабочем месте проявляет служебное рвение, ее сразу все называют сукой?

- Хороший вопрос.

- А я тебе скажу. Это потому что пытки и убийства считаются мужским делом, а когда тем же начинает заниматься женщина, это разрушает гендерные стереотипы. Это смешно.

- Знаю, солнышко, жизнь несправедлива.

- Она действительно несправедлива. И, кстати, просто к сведению, - она брызгает ногой мне в лицо, - я бы не отказалась от «спасибо» за то, что утром

тебя вытащила.

– Спасибо тебе, моя девушка! Моя защитница, моя феминистка.

– Сколько же в тебе дерьма.

Даша, справедливости ради, устроила нас неплохо. Квартира выглядит нежилой, а в выделенной нам комнате – затхлый воздух. Судя по толщине и зеленоватому оттенку, стекла в наглухо закрытых окнах пуленепробиваемые. Но кровать вполне удобна, и после завтрака, который нам принесла девушка, представившаяся Кристиной, мы снова завалились спать.

Проснулись в почти полдень опять голодные как волки. В квартире никого нет, кроме Кристины, – судя по всему, она ждала, когда мы вылезем из постели. Она выдает нам по пуховику, и мы, спустившись в трясутся лифте, в ее сопровождении выходим на улицу. Опухоль на лодыжке немного спала, нога по-прежнему ноет, но ходить я уже могу.

Какое счастье – вновь оказаться под прямыми солнечными лучами. Небо – темно-лазурное, а утренний снег, застыв на закопченных желто-коричневых домах, покрыл их белыми блестками. На обед у нас – по бигмаку с картошкой фри, после чего, немного прогулявшись по проспекту Стачек, мы оказываемся у бывшего кинотеатра «Комета», где сейчас магазин секонд-хенд. В зале вместо сидений прилавки с одеждой. Там есть всё – от готическо-панковского стиля до древних театральных костюмов, от армейской и полицейской парадной формы до фетишистских штучек и самодельной бижутерии. Стоит обычный для таких мест затхлый приторный запах, мне неприятно ходить по рядам с барахлом, роясь в лохмотьях чужих жизней под люстрами ар-деко.

– В этой одежде вас никто не отличит от питерских. Будете типа неформалы, – говорит Кристина. Она высокая, длинноногая, с волосами цвета пшеницы, а по ее мягким, робким манерам непохоже, чтобы она была членом банды. Она мало говорит и всегда так тихо, что приходится напрягать слух.

– Открой себя заново, pupsik. – Оксана крепко обнимает меня за талию. – Совершай безумства!

В этом духе я и стараюсь выбирать вещи, даже думать о которых в прошлой жизни мне было бы странно. Темно-синее бархатное пальто с превратившейся в тряпку шелковой подкладкой и биркой Михайловского театра. Шипованная куртка с анархистскими лозунгами. Мохеровый свитер в пчелиную черно-желтую полоску. Я вдруг замечаю, что мне все это в кайф, чего раньше при покупке одежды никогда не случалось. Похоже, Оксана тоже не скучает. Шопинг у нее такой же суровый, как и остальные сферы жизни – если ей приглянулась шмотка, которую я изучаю, она выдирает ее прямо у меня из рук, не задумываясь.

Завершает наше преображение поход в салон красоты по соседству. Оплачивает все Кристина. У нее внушительная пачка купюр, которую ей дала Даша. В салоне, пока нас с Оксаной обслуживают, она сидит, молча уставившись в пространство. Моя новая стрижка – короткая и волнистая, а у Оксаны – под мальчика, с рваными прядями. Мои ногти бирюзовые, ее – черные.

– Теперь вы совсем как русские, – Кристина одаривает нас редкой для нее, робкой улыбкой.

После этого мы на такси едем в Парк авиаторов. Зачем – мне не вполне ясно. Может, это – ближайшая от Автово туристическая достопримечательность. Небо темнеет, начинается снегопад, мы бредем через почти безлюдный парк к замерзшему пруду, окруженному мрачными скелетообразными деревьями. Напротив нас – мыс, на котором стоит памятник – взрывающийся в небо истребитель «МиГ». Кристина небрежно указывает на него, а потом продолжает призраком шагать по обледеневшей тропе вдоль берега. И только тут до меня доходит, что ей приказали держать нас подальше от квартиры, пока Даша не осмотрит наши вещи и не решит, как с нами поступить. И не исключено, что она решит нас сдать.

Я задаю этот вопрос Оксане, но в ответ она высказывается неопределенно:

– Единственные люди, кого я интересую – кого мы интересуем, – это «Двенадцать», но они летают куда выше бандитов из купчинской братвы.

– Но Даша могла о них слышать. Надо полагать, у нее есть доступ ко всем возможным источникам информации теневого мира.

- Наверняка есть, но на «Двенадцать» они ее не выведут.

- Но вдруг ей удалось с ними связаться? Чисто теоретически.

- Каким образом? Через Фейсбук?

Я киваю, но без уверенности.

- Если бы Даша была дурой, она никогда не стала бы бригадиром внутри bratvy. Если она нарушит vovovskou кодекс и выдаст меня хоть «Двенадцати», хоть кому угодно еще, ей перестанут доверять. К тому же тогда я ее убью. Может, не прямо сейчас, но наступит момент, когда я за ней приду, и она это знает.

С каждым днем я набираюсь сил. Плечи по-прежнему болят - особенно по утрам, - да и лодыжка протестует против длительных прогулок. Но Даша кормит нас очень прилично, и последствия голодовки в контейнере постепенно сходят на нет. Оксана совершает пробежки ежедневно - порой по два или три часа, - а когда возвращается, делает серьезный комплекс упражнений. Я тем временем пытаюсь улучшить свой русский, листая накопившиеся у Даши «Воги» и слушая «Радио Зенит», станцию местных новостей.

Спать с Оксаной - это совсем не то же, что спать с Нико. Его тело было понятным и настолько знакомым, что воспринималось как часть пробуждений и засыпаний, но Оксанино тело - всегда загадка. Чем дальше я его изучаю, тем больше тайн в нем обнаруживаю. Жесткое и одновременно мягкое, податливое и одновременно хищное. Оно увлекает меня все глубже и глубже. Порой она впадает в непроницаемое молчание или отталкивает меня, окаменев от гнева на очередной мой воображаемый промах, - но большей частью она игрива и ласкова. Она - как кошка: зевает, потягивается и мурчит - аккуратные мышцы и спрятанные когти. Когда мы спим, она поворачивается спиной, а я приникаю к ней. Она храпит.

Она не распространяется о подробностях нашего побега из Англии, но при этом уверена, что Даша ей более-менее верит. Она попросила Дашу уладить вопрос с нашими российскими паспортами на новые имена. Та ответила, что за некоторую сумму это возможно.

О ком Оксана пока не упоминала, – это томящаяся в московской Бутырке Лара Фарманьянц. Лично я была бы счастлива, если бы сучка гнила там вечно. Дело даже не столько в том, что она – бывшая Оксанина девушка, а в том, что эта Лара пыталась меня убить. Но Оксана хочет ее вытащить и собирается просить Дашу использовать бандитские связи.

Я всячески стараюсь сохранять душевный покой и не заикливаться на Ларе, но Оксана знает, насколько ранимой я делаюсь при одном только сравнении с ее бывшей подружкой, и не отказывает себе в удовольствии отпустить замечание-другое о потрясающем телосложении и атлетичности Лары, о том, какой она виртуоз в сексе. Конечно же, рациональное мышление подсказывает мне, что Оксана не может скучать по Ларе так, как она мне описывает, и, скорее всего, не каждый день вспоминает о ней хотя бы на миг. Но любовь иррациональна, и я, несмотря на всю Оксанину стервозность, не могу больше убеждать себя, будто не люблю ее.

Я знаю, что никогда ей этого не скажу, как и то, что она никогда не признается мне в любви, поскольку эти слова лишены для нее всякого смысла. И я знаю, что винить мне, кроме себя, некого. Я верила, что мне каким-то образом удастся подействовать на ее лишенную эмоций натуру, однако теперь, при отрезвляющем свете дня, я вижу, что это нереально. Но зимние дни в Петербурге коротки, а ночи – длинные. В нашей совместной постели, когда мы укутаны в темень и сны, когда я вдыхаю запах ее тела, эта вера начинает возрождаться во мне.

Через неделю после нашего приезда Кристина отправляет нас с Оксаной в универмаг, где есть фотобудка. Потом Даша берет снимки и говорит, что наши российские паспорта и другие документы будут готовы через неделю. Это обойдется нам в полторы тысячи долларов, и Оксана тут же отсчитывает эту сумму. Даша объясняет, что можно и подешевле, но качество будет гораздо хуже. Я испытываю облегчение от того, что деньги – Оксанины, поскольку меня уже начинает напрягать, что за все платит Даша по непонятным мне правилам – хоть там воровской кодекс, хоть какой другой. К тому же я вижу, как растет Оксанино нетерпение, которое ни пробежки, ни упражнения унять не в силах.

– Мне нужна работа, – говорит она, вышагивая по квартире, словно пантера в клетке. – Мне нужно почувствовать себя живой.

– А меня тебе для этого мало? – спрашиваю я, и тут же жалею о сказанном. Оксана устремляет на меня исполненный жалости взгляд и оставляет вопрос без ответа.

Положив деньги в карман, Даша сообщает нам, что сегодня она зовет сюда гостей на ужин. Приедет шеф, его зовут Асмат Дзабрати, но обращаться к нему надо «Пахан». Он, по всей видимости, – весьма уважаемая фигура. Бандитский босс старой школы, который в юности был славен тем, что с конкурентами расправлялся топором. С Паханом будут три бригадира, Даша – четвертая. Даша втолковывает нам, насколько это для нее важное событие, а значит, все должно пройти идеально. Кристина подберет нам подходящую одежду.

Оксана – не в настроении, и примерка не ладится. Она окидывает взглядом Кристинин гардероб, выхватывает смокинг от Сен-Лорана, прикладывает к себе перед зеркалом и, не сказав ни слова, выходит из комнаты.

– Все нормально? – спрашивает Кристина, глядя ей вслед.

– Ну... Ты же понимаешь.

– Еще как понимаю, – с легкой улыбкой отвечает она.

– Кристина?

– Крис.

– Крис... так у вас с Дашей...?

– Да, уже год.

Я разглядываю множество нарядов, не зная, с чего начать.

– Ты ее любишь? – спрашиваю я на автомате.

– Да. И она меня любит. Мы хотим когда-нибудь уехать в карельскую деревеньку. И, может, удочерить девочку.

- Пусть у вас все получится.

Она снимает с вешалки гофрированное шелковое платье от Боры Аксу и хмуро разглядывает его.

- А ты со своей Оксаной? Вы собираетесь жить долго и счастливо?

- Типа того.

Она протягивает мне платье.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Штаб-квартиры МИ-5 и МИ-6 находятся соответственно на северном и южном берегах Темзы.

2

Таинственная дама (фр.).

СИЗО, где сидела Вилланель и где Константин организовал инсценировку ее смерти в камере (прим. пер.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhennings_lyuk/ubivaya-evu-umri-radi-menya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)